

АНДРЕЙ СВИРИДЕНКО

Солнечный ветер

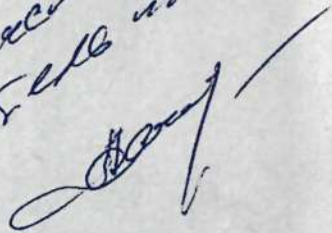
Стихи и проза

2005 г.

Городской
Библиотеке

от автора с

Генерал-майор и
принадлежит к

70052.

HKO

p

ББК 84(2Рос=Рус)
С-24

Свириденко А.

Солнечный ветер.: Стихи и проза. — Кумертау: городская типография, 2005, 114 стр.

Новая книга А. А. Свириденко «Солнечный ветер» — это гармоничное сочетание стихов и прозы.

Разделы книги «Мое созвездие: Россия», и «Вы разве не любите?», «Люди, годы, судьбы» раскрывают душевный мир автора и, конечно же, доставят радость читателю.

5-901834-28-3

© Андрей Свириденко А.

АНДРЕЙ СВИРИДЕНКО

Солнечный ветер

Стихи и проза

2005 г.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

Автора, предлагаемого вниманию читателей сборника стихов и прозы, Андрея Арьевича Свириденко знаю давно, но и сегодня не перестаю удивляться его энергии, его увлеченности. Поэт влюблен в природу родного края, он увлечен своей повседневной преподавательской работой в авиационном университете, он влюблен в поэзию; увлечен поэтическим творчеством.

Современная жизнь вывела на свет породу равнодушных ко всему людей. Но и мы, считающие себя неравнодушными, предпочитаем выразить свою активную позицию на кухонных посиделках. У поэта Свириденко иначе: в его стихотворениях и мысли, и чувства «переливаются через край» и захлестывают читателя. В них и любовь к родной земле, и радость общения с природой, и щемящая тоска по чему-то безвозвратно ушедшему, и трогательное чувство тревоги за будущее России.

Любители поэзии уже знакомы с творчеством Андрея Свириденко по его публикациям в периодической печати, по предыдущим сборникам. В этом сборнике раскрылась еще одна грань его таланта. Поэта Свириденко очень органично дополняет Свириденко —

прозаик. Именно дополняет, ибо стихи его конкретны как проза, проза лирична как стихи. У поклонника и последователя таких классиков, как Ахматова, Цветаева, Блок, Паустовский, Грин, наверное, иначе и быть не может.

Пересказывать книгу – занятие неблагодарное; делать какие-то выводы тем более. Все это оставляю самим читателям. Думаю, что любители поэзии получают истинное удовольствие, прочитав очередной сборник Андрея Свириденко с поэтическим названием «Солнечный ветер».

Закир АКБЕРОВ,
член союза писателей РФ и РБ.

«...не русский я, но россиянин».
М. Карим.

ТЫ МОЙ РОДНИК, ПИТАЮЩИЙ ИСТОК

Горит листвы октябрьский румянец,
И на душе становится светлей.
Я не башкир, но я башкортостанец
И сын России – Родины моей.
Родной простор всё явственнее дали,
Моей судьбы связующая нить.
Читаю мудрой осени скрижали
И хочется ещё сильнее жить.
Бег времени, поток неуловимый,
Но мудрость жизни тем и хороша, –
В груди горит огонь неугасимый,
Виски седые, молода душа!
И словно у родимого причала,
После дороги подвожу итог, –
Башкирия! Ты Родиной мне стала,
Ты мой родник, питающий исток.
Мы все своей земли родимой дети,
Печаль и радость делим пополам.
Церковный купол, минарет мечети
Сквозь грозы верный путь покажут нам.

Мои друзья татары и башкиры,
Мордвин, чуваш и «всяк язык иной»¹
Нас всех волнует вещей голос лиры
И краски неба над родной землей.
И как бы труден путь земной наш не был,
Нам дым отечества вовек не позабыть
И вечный запах молока и хлеба, –
Через судьбу как Ариадны нить.
Осенний ветер свой исполнит танец,
Осядет пыль мной пройденных дорог.
Я не башкир, но я башкортостанец,
Куюргаза! Ты мой родной порог.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

*«Как крестный ход идут часы
страстной недели».*
А. Ахматова.

Чьи-то тени шуршат по углам,
Дым Отечества сладок по праву.
Иоанно-Предтеченский Храм
В небольшом городке Кумертау.
То судьба заметёт, то пурга
Бьётся в окна подраненной птицей,

¹ Все другие народы (старославянск.)

То черёмухи цвет, то снега
Над Россией, то ворон кружится.
И, как водится, рай в шалаше —
Мимолётное вечное счастье.
Так легко и светло на душе
После таинств Святого Причастья.
Со смиреньем взойду на крыльцо,
Дни поста величаво печальны.
Материнское смотрит лицо,
И струится мотив величальный.
Канет в лету мирская вся слава,
Просто стает, подобно снегам.
Небольшой городок Кумертау,
Иоанно-Предтеченский Храм...

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Неслись куда-то годы, версты, пули,
Был батальон до ниточки продут,
Метели по-февральски гулко дули,
Мы шли, забыв про дом свой и уют.

Что впереди судьба для нас готовит?
Знать ни к чему, когда приказ: «Вперёд!»
И кто, и сколько в этом мире стоит,
История, должно быть, разберёт.

Мы дальше мчим, мы всё спешим куда-то,
Искать надежду и мечту свою.
Экзамен сдав стране по сопромату
В шагающем в историю строю.

Проверив философские законы
Хребтом и потом, опытом своим.
Тускнеет позолота на погонах,
Но мы с тобой ещё в строю стоим.

Уходит взвод всё дальше шаг за шагом,
За занавес — за рдеющий закат.
Храня в своих сердцах слова Присяги
И звание высокое «Солдат».

ЗИМНИЕ УЗОРЫ

Как в мире и жизни всё просто и сложно,
Морозный узор занавесил окно.
Я в зимнюю сказку войду осторожно.
А жизнь проплывает как кадры в кино.

Вновь сердце для встречи
с прекрасным открыто,
Мохнатые звёзды, малиновый звон.
Какая-то тайна повсюду разлита

И голову кружит морозный озон.
Да! Время летит, остановок не знает.
И счёт свой особый, волшебный ведёт,
Лишь прошлое снегом зима засыпает,
Шампанское, свечи, мечты – Новый год.

Зима установит такие порядки,
И в этом, пожалуй, Руси естество –
Катание с гор, ворожба и колядки.
Россия встречает Христа Рождество.

Судьба нам поставит немало вопросов,
Да сбудется всё то, что свыше дано.
Как в мире и в жизни всё сложно и просто,
Но жизнь интересней любого кино.

ОСТАВЬ ПЕЧАЛИ И СОМНЕНИЯ

Вновь пост Филиппов над Россией,
Душа торжественно полна
Небесной запредельной синью,
Как пламя, трепетна она.

Морозный воздух, хмель озона,
Всем сердцем ждёшь ты Рождества.
Словно от марша Мендельсона
Слегка кружится голова.

Оставь печали и сомненья, –
Зимы прекрасно колдовство.
Наполни сердце вдохновеньем.
Мой друг! Ведь скоро Рождество.

Морозным серебром искрится
Густая сень твоих ресниц.
Я так хочу тебе присниться
Под Рождество, как добрый принц.

А время дальше, дальше, дальше
Свой счёт безудержный ведёт.
Я не приемлю мелкой фальши
Под Рождество и Новый год.

Твой взгляд безоблачен и ясен,
Любви и Храма торжество,
И зимний день, как ты прекрасен.
Живём! И скоро Рождество!

ИДУТ ДОЖДИ ИЗ МОЕГО ОКНА

Идут дожди из моего окна
Куда-то в шторм лохматых облаков.
Не сетуя на наши времена,
Постичь пытаюсь смысл обычных слов.

Хочу собрать осколки от дождя
С ветвей озябшей яблони в саду.
И оглянуться, мимо проходя,
Найти в траве упавшую звезду
Как в дальнем незапамятном году.
Не жалуясь на сложности судьбы,
Куда-нибудь за тридевять земель
Уехать просто собирать грибы,
Вдыхая леса сладковатый хмель.
Так и пойму; - а в чём же жизни цель.

НАТЮРМОРТ

Венский стул на мраморном полу,
В кувшине колосья и рябина.
Чьи-то тени шепчутся в углу.
Натюрморт – сентябрь со вкусом винным.

Полутени, девичий портрет,
Дверь, незатворенная тобою.
Так и неполученный ответ, –
Что нам предназначено судьбою?

Память захмелела на ветру, –
Руки, фразы силуэты, лица...
Набело пишу я поутру
Ночью сочинённые страницы!

Венский стул, – там мирно дремлет кот,
Сентября глотаю воздух винный.
Простенький российский натюрморт –
Хлебные колосья и рябина.

И ПОЧЕМУ-ТО СРАЗУ ВСПОМНИШЬ ДЕТСТВО

Февраль зовут в народе бокогреем,
Ещё снега – куда не кинешь взгляд.
А в облаках вдруг прорубь засинеет,
Снег проскрипит как много лет назад.

И почему-то сразу вспомнишь детство,
След, уходящий вдаль, за горизонт.
Присел февраль на солнышко погреться
Чуть подождать покуда март придёт.

А за окном ещё метели веют,
Целуя дом в холодное стекло.
Но вечерами, друг, уже светлее,
И на душе становится тепло.

Мы сохранить свою любовь сумеем,
Пушай метели водят хоровод.
Февраль прослыл в народе бокогреем,
Не унывай, ведь скоро март придёт.

ПРОСТО СНЕГОПАД

Застыли в созвездии снежной вуали
Пространство и время, и смысл бытия.
Душа наполняется светлой печалью,
Уводит всё дальше судьбы колея.

«И белые лебеди древних сказаний»*,
и женщины в белом задумчивый взгляд.
Мы носимся в море надежд и исканий
Сегодня и завтра, и сто лет назад.

Всё вечно не так, всё опять непохоже,
А мы, по-старинке, всё рубим сплеча.
И смотрит с укором на нас Матерь Божья,
Да тихо в подсвечнике тает свеча.

ВАМ СЕБЯ ДОВЕРИЛА СТРАНА

(Лейтенантский вальс)

Блещет медаль, ликуют музыканты,
Девушки нарядны и легки.
В вальсе кружат, кружат лейтенанты,
Мальчики совсем – выпускники.

Дай Вам Бог! Надежду и удачу,
И любви, и мужества сполна.

* Н. Гумилёв

Впрочем, и не может быть иначе,
Вам себя доверила страна.

Это самый чудный в жизни вечер,
Положила матушка-судьба,
Звёзды лейтенантские на плечи,
В дальний путь проводит вас любя.

Даль ясна и лучезарно небо,
Каждый из вас молод и влюблен.
И лежит частица поля хлеба
В необмятом золоте погон.

ПРЕДЗИМЬЕ

Предзимье – это как предгорье,
Как пригород, в конце концов.
«Зеленый дуб у лукоморья»,
травой заросшее крыльцо.

Как бы нечаянно белым снегом
Припорошенные поля.
Под ручку с XXI веком
Плывет по небушку Земля.

И что-то в сердце отзовется,
То ли сомненье, то ль призыв.

Журавль у старого колодца,
Непрезентабельный мотив.

Сквозь мокрый снег — дожди косые,
То перелески, то поля.
Мое созвездие — Россия,
Моих прапрадедов земля.

ТИХО ПАДАЕТ СНЕГ

Тихо падает снег,
Быстро время идет.
И который уж век —
Рождество, Новый год!

Вспоминается мне
Старой сказки сюжет.
Свет в родимом окне,
Свечек елочных свет.

Свет полночных небес,
В платье свадебном ель.
Там серебряный лес,
Ждет Снегурочку Лель.

Чудодейственный миг,
Девы лик, — красота.

И загадочный облик
Младенца Христа.

Городок мой родной,
Что тебе пожелать?
Путеводной звездой
Я прошу тебя стать.

Вот который уж век —
Рождество, Новый год.
Тихо падает снег,
Быстро время идет...

ТЫ ЗНАЕШЬ, Я К ТЕБЕ ЕЩЁ ПРИДУ

Ты знаешь, я к тебе еще приду,
Неся в руках упавшую звезду,
И белоснежный яблоневый цвет,
Сегодня, завтра, через много лет,
Ты просто улыбнешься мне в ответ.
Давай с тобой сначала все начнем,
При свечках тихо посидим вдвоем,
Как много нужно мне тебе сказать,
О том, что осень за окном опять.
А мне тебя так хочется обнять.

Не укоряй за то, что я молчу,
Задуй полусгоревшую свечу.
Ловлю твой взгляд из-под прикрытых век,
Пойми, что я всего лишь человек,
Как разгадать, какой сегодня век?
Ну как, скажи, тебя благодарить,
Поймав судьбы связующую нить?
Я подниму искрящийся бокал,
Ты знаешь все, о чем я промолчал.
Мы уплывем с тобой в ночную тишь,
Конечно, ты поймешь и все простишь...

СКРИПАЧ РОССИИ

*«Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет...»*

Б. Окуджава.

*Посвящаю Марату Каюмову –
замечательному скрипачу и романтику*

В руках Марата скрипка пела,
Лилась мелодия рекой,
Которой не было предела,
И в даль звала нас за собой.

Витиевато и печально,
Страдая или веселясь.

Все это было изначально –
Аккорд, мотив и парафраз.

В той музыке и боль и нежность,
Порой евангельский мотив.
И сам скрипач, как неизбежность,
Был так безудержно красив.

Искрились дали снеговые,
Горел за окнами закат.
Играл Марат – скрипач России,
Судьбы и музыки солдат...

РУСЬ КОВЫЛЬНАЯ

Тают облака
И полынный дух.
Песня ямщика
Да копытный стук.

И судьба моя,
Как дороги даль.
В путь, как странник, я,
А в глазах печаль.

Только пыль, ковыль,
Только степь окрест:

То ли явь, то ль быль —
Нам нести свой крест.

Пусть нелегок путь,
Буйна голова.
Возродится Русь,
Как ковыль — трава.

P.S.: Под впечатлением от дороги на Соль-Илецк.

ЕЩЁ НЕ ВСЕ ПРОПЕТЫ ПЕСНИ

Еще не все пропеты песни.
Куда-то в даль зовет труба.
Пожалуй, стала интересней
И «заковыристей» судьба.

А мы с тобою, как и прежде,
По ветру парус развернем.
Пристанем к берегу надежды,
Прозрачным и погожим днем.

София нам подарит мудрость,
И, веру в сердце сохранив,
Опять в свою отчалим юность,
Под вальса медленный мотив.

Приобретя весь мир огромный,
Вдохнем весенний воздух вновь.
Отыщем уголок укромный
И там найдем свою любовь.

В ГОСТИ К АЛЕКСАНДРУ ГРИНУ

Не сетую я на судьбу свою,
Я просто ночью паруса сошью.
Почувствую волны соленый вкус,
Июльской ночью я тебе приснюсь.
Нам свыше путь определенный дан,
Зову тебя с собою в Зурбаган.
Такой вот фантастический круиз,
Мы по пути заедем в город Лисс.
Потом еще заглянем в старый Крым,
Где ждет давно наш верный, добрый Грин.
Всю ночь кроил и шил я паруса:
И уповал в душе на небеса.
А все же мы живем с тобой не зря,
Гремят, вползая в клюзы, якоря,
И на волнах качается заря.
Встречай гостей, дружище старый Грин!
И пусть в сердцах всегда огонь горит.

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Потомки! Прочтите эти страницы.
Вам, грядущие в будущие времена,
Так же, наверное, будут сниться
Синее небо, поля и весна.

Мы тоже были такими же юными,
Наивными были наши мечты.
Душа и сердце звенели струнами,
От жизни молодости и красоты.

Поверьте, что не были мы безгрешными,
Немало порою ломали и дров.
Мы занимались проблемами вечными,
Искали мечту свою и любовь.

Нас часто давило истории бремя,
Пришлось перестройки нам все испытать.
Мы жили в очень сложное время,
Возможно, вам это трудно понять.

Простите за то, что не очень красиво
Мы жили и были такими как есть.
Сквозь наше посланье проходит курсивом:
Мечту свою сохраните и честь!

Не верьте навязчиво липкой рекламе,
Трудитесь, влюбляйтесь, сквозь годы летя.

Ищите пути и дороги к храму,
Мечту и Веру в сердцах обретя.

Крепите страны обороноспособность,
Спасите Россию от черной беды.
Храните соборность, упорство, духовность,
Да ненапрасными будут труды.

А небо и дали окрашены синью,
Грядущее явственно и далеко.
Мы верим, что вы возродите Россию,
И знаем, что это отнюдь не легко.

К чему нам лукавить, играя словами?
Да! Будет вам трудно на этом пути.
Историю делать своими руками –
Нелегкое дело, как тут не крути.

Пусть будет любовь и рождаются дети,
Заводы опять возрождаются пусть.
Да будет же самой прекрасной на свете,
Страна под былинным названием Русь.

Земля наша много и долго страдала,
Горела, стонала и все же цвела.
Дай Бог, чтоб над Русью вовек, от начала,
Звенели малиново колокола.

Так будь ты романтиком юное племя!
Прими наш наказ через толщу годов.
Иная Россия и новое время –
И ныне, и присно, во веки веков.

Прекраснее станет родной Кумертау,
Здесь наша на веки родная земля.
Любите, мечтайте, творите на славу,
Цветут пусть сады, зеленеют поля.

Конечно, есть где-то теплее и краше,
Немало заманчивых сказочных стран.
Но сердцу милее республика наша –
Привольный и солнечный Башкортостан.

УЖЕ В ДРУГИЕ ГОРОДА УМЧАЛИСЬ ДЕТИ

Как белый снег бумаги лист,
И все сначала.
А то, что снег кристально чист,
Уже немало.

Года как повесть пронесло,
Листок к листочку.
Оттачиваю ремесло,
Не ставя точку.

А, впрочем, было так всегда,
На этом свете.
Уже в другие города,
Умчались дети.

Я от судьбы и от любви
Не жду поруки.
Держу позиции свои,
Чтоб нянчить внуков.

УЖ ТАКОВА СУДЬБА МОЯ

Пойми, я трепетная птица,
А может парус на ветру.
Все чаще начинает сниться
Избенка деда на юру.

Трансцендентальные приметы,
В круговороте бытия.
Пусть снисходительно поэта
Осудит Высший Судия.

И через сердце как по полю,
Судьбы проляжет колея.
Что делать? Я не прекословлю,
Уж такова стезя моя.

СТАВИТ ДЕВУШКА СВЕЧИ

*«Старайтесь не о пище тленной,
Но о пище пребывающей в жизнь вечную»
Евангелие от Иоанна (6-27)*

Ставит девушка свечи,
Хор церковный поет.
Полудетские плечи,
Мысли тайный полет.

Здесь под куполом храма,
Отрешась суеты,
Возникает тот самый
Вечный мир красоты.

Не убий, не укради,
Все, что свято для нас
Славы мелочной ради
Преступаем подчас.

И не знаем покоя,
Видим мрачные сны.
Нарушаем устои,
Что в Завете даны.

Ставит девушка свечи,
Вот она красота.
Так взглядишь человеке
В светлый облик Христа.

ВЕЧЕР В СТИЛЕ БЛЮЗ

Тихий зимний вечер в стиле блюз,
С растворенной музыкой в закате.
В воздухе торжественная грусть,
Солнце словно лик с иконостаса.

Тени распластались по стене,
По сердцу плывут воспоминания.
Что-то сеть в закатной тишине,
Связанное с тайной мироздания.

Заполняет дней круговорот,
Воздух зимний с запахом сирени.
И судьбы неясный поворот,
Мысли вихрь, надежды и сомненья.

Русь, - души и сердца чистота,
Неба синева, простор широкий.
Вера неподдельная в Христа,
Чей-то облик милый и далекий.

Будь же ты благословенна, Русь!
Дух печи и свежи запах хлеба.
Тихий зимний вечер в стиле блюз
Саный след от сердца и до неба.

ЯНВАРЬ ЗАГЛЯНУЛ В ОКНО

Вновь тихо сыпется снег,
На наш двадцать первый век.
Немного тревожно душе
На жизненном вираже.

Вот в Новогоднюю ночь
Ты снова кого-то ждешь.
Дорога уходит вдаль,
А все же, немного жаль,

Что времени вечен бег,
И тихо ложится снег.
Январь заглянул в окно,
Как было давным-давно...

ДОЧУРКЕ В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ

Что делать? У времени мера такая,
Окончилось детство, ну что тут сказать?
Дочурка! Как быстро ты стала большая,
Как много придется тебе испытать,

Отмерены даты, отсчитаны сроки,
Дай Бог! Отыскать тебе счастье свое.

У жизни похлеще, чем в школе уроки
И в этом, пожалуй, вся прелесть её.

Любовь и разлуки, надежды и встречи, —
Всё это, мой друг, у тебя впереди.
Ты вспомнишь с грустинкой

не раз этот вечер

И сердце сильнее забьется в груди.

К чему нам лукавить, играя словами,
Тебе будет трудно на этом пути.
Историю делать своими руками —
Нелегкое дело как тут не крути.

Должно быть умчишься ты в дальние дали,
Но где ни окажешься в мире большом,
Пребудешь ли в радости или в печали,
Запомни, — всегда тебя ждет отчий дом.

МОЛИТВА

*«...Душа летит, летит, летит,
Вокруг шумят невидимые крылья
И песня тайная звучит...»*

А. Блок

Когда глаголюще устами,
Святое имя призову.
Стою, склонив пред образами
Шальную голову свою.

Отходят в сторону печали
И брэнна мира суэта.
Судьбы начертаны скрижали
Святою кровию Христа.

Сложна судьба и многолика,
Под сенью Храма в светлый час
«Се отпускаеши, Владыко», —
Седого старца слышен глас.

Весь мир несется все быстрее,
Лишь в Храме песни красота.
Чу! Слышен голос иерея,
Раскрыты Царские Врата.

АВГУСТ

Не осень и все же не лето,
Уже навещают дожди.
Пора несравненная, это —
Весь август еще впереди.

Наполнил меня вдохновеньем,
В густых затерялся хлебах.
Запахло домашним вареньем,
Во всех абсолютно дворах.

Простите меня за банальность,
Влюблен я в такую красу.

Здесь кружевом тихим печальность
Висит паутиной в лесу.

На травах обильные росы,
Здесь запах особый — грибной.
И чьи-то любимые косы,
И синие ночи с луной.

А ветер, шумящий меж сосен,
Шепнет на ухо тайком,
Что следом за мной бродит осень,
Ступая в траву босиком.

МЕЛОДИИ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ

Мелодии прошедших лет,
Меня волнуют очень часто.
Одни далече, тех уж нет,
И где же ты бродишь птица счастья?

Дочь слушает магнитофон,
Помилуй, Бог, какая слава?
Ей ни Высоцкий, ни Кобзон,
Ни Лещенко, ни Окуджава.

Судьба преподнесла урок,
Роман судьбы листок к листочку.
И до полночи крутят рок
Моя племянница и дочка.

А, впрочем, я не эгоист,
И вспоминаю сам с усмешкой,
Как мы тайком плясали твист
В какой-то бесшабашной спешке.

Но, все же сердцу моему
Милее песня, не забава.
Я до полночи не усну,
Я буду слушать Окуджаву.

Мелодии прошедших лет
Меня волнуют постоянно.
А дочь с улыбкой мне в ответ, —
Ой, пап, какой ты все же странный.

И СНОВА БУДУТ ВЕТРЫ И ДОЖДИ

Вот я опять спешу, бегу, лечу,
Догнать пытаясь счастье-недотрогу.
Еще влюбляюсь, глупости шепчу,
И жизнь свою не мыслю без дороги.

Люблю ночами письма сочинять
И отправлять не зная адресата.
Меня, должно быть, нелегко понять, —
Вновь завтра надо уезжать куда-то.

И снова будут ветры и дожди,
Разлуки, встречи, дали, расставанья.

Шепну как шелест ветра, - Только жди.
И между нами снова расстоянья.

Должно быть так уже заведено,
Все это даже детворе известно, —
Что наша жизнь похожа на кино,
Но жизнь, мой дуг, намного интересней.

МАЛИНОВЫЙ ПЕРЕЗВОН

Всю жизнь торя к святому Храму путь,
Смирненно помолиться не забудь.
Избавит нас от тягот и оков,
Малиновый трезвон колоколов.

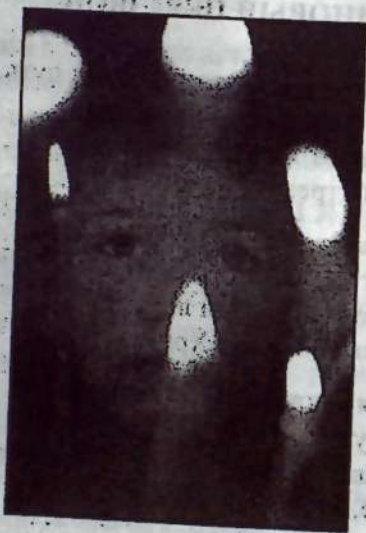
Порой бывает, — нет в душе отрады,
Одoleвает мира суета.
Тогда тихонько запали лампаду
И обратись ко образу Христа.

Прольется теплота из глаз отцовских,
Почувствуешь, спокойствие, уют,
Освобождаешься от помыслов бесовских,
Смиренье, радость и любовь придут.

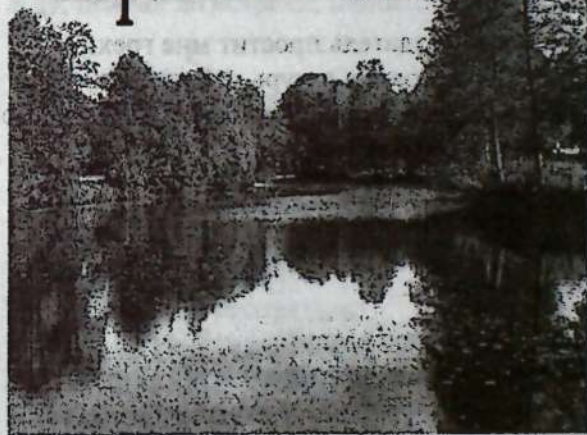
Кто сможет нас утешить и услышать,
Когда бывает очень трудно нам?

Только Создатель нам поможет выжить,
Коль смута на душе, — скорее в Храм.

Там сердце снова станет облегченным,
От всех соблазнов тяжких и грехов.
Наполнит душу благодатным звоном
Малиновый разлив колоколов.

Вы разве не любили?

Вот почему вы любите
Вот почему вы любите

И СНОВА АПРЕЛЬ...

Ты знаешь, родная, ведь нынче апрель?
И к нам появился он парнем-рубахой.
Я слышал капли веселую трель
И снег уже тает, черная от страха.

Прости за банальность, но снова весна,
Вино из апрельского неба пригубим.
Пусть это смешно, — мне опять не до сна,
Даст Бог, мы на свете с тобой еще будем.

Надеюсь, Создатель простит мне грехи
И долго смотрю на лазурь небосклона,
А кто-то по памяти «шпарит» стихи
Всю ночь до рассвета
под чьим-то балконом.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Неуютное слово разлука,
В дальних окнах чужие огни.
Всюду властвуют осени звуки,
Одинокие, серые дни...

Сыплет осень дождями косыми,
Бьет чечетку на крышах вода.

Повторяю я милое имя,
Письма шлю непонятно куда.

Горький привкус у слова разлука,
Лист слетает с осенних ветвей.
Снятся мне твои нежные руки,
Тихий свет от улыбки твоей.

Отправляю в конверте почтовом
Из далекой таежной глуши-
Ветвь багульника, запах кедровый,
Жду, целую, до встречи, пиши...

ВОСПОМИНАНИЕ

*К 100-летию со дня рождения:
Марины Цветаевой.*

Помню Восточный Крым,
Где взгляд твой неотразим,
Коктебель, Волошин, Марина,
Грин, Зурбаган, бригантина.
И сладкий отечества дым.
Чу! Чей-то прерывистый шепот
Волны таинственный рокот,
Прибой синевато — зеленный

Мечтаю как мальчик влюбленный.
Портретов штрихи и наброски:
Черубина, Паустовский.
Там утреннее окно,
Где света полным полно.
Букетик цветов полевых
В той комнатке на двоих.
Друг другу в глаза мы глядим,
Мой милый Восточный Крым....

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Три дня грустит пустой аэродром,
Тяжел и влажен купол небосвода.
Молчит мой друг о чем-то о своем,
У нас опять нелетная погода.

Ты долго мне не пишешь письмецо,
Вновь между нами далее километры.
Я вспоминаю милое лицо,
Мне о тебе поют шальные ветры.

Наверное, и ты не спишь сейчас,
В твое окно бросает снегом ветер.
Мне не забыть твоих лучистых глаз,
И рук твоих прекраснейших на свете.

А за моим окном шумит тайга,
Три дня метель и мается природа.
Ты для меня все также дорога,
Да вот беда; нелетная погода.

Как паруса большому кораблю,
Так рай земной для нас под небесами.
Я говорю, что я тебя люблю
Своими неумелыми стихами.

И верю я, что будем вместе мы,
Пускай во всю беснуется природа.
Весною, летом иль среди зимы
Соединит нас летная погода.

ВЫ РАЗВЕ НЕ ЛЮБИЛИ?

Немало в жизни я прошел дорог,
Был грубым, нежным,
ласковым и страстным.

Но, повстречать в своей судьбе не смог
Такую, чтоб как ты была прекрасной.

Прости, мой друг, высокопарный стиль, —
Старинным слогом легче изъясняться.
Мы стариной тряхнем и сдуем пыль
С веков дремучих, что во тьме таятся.

Опять меня всю ночь твои глаза
Куда-то звали, за собой манили.
И как хрусталь прозрачная слеза.
Помилуй Бог! Вы разве не любили?

Наговорив с три короба, пойду.
Пойми, что нам с тобою по пути.
Что обречем мы радость иль беду?
Не виноват. Но все-таки прости...

ОПЯТЬ О НЕЙ

Зовущий взгляд
Твоих кошачьих глаз,
Как лунный диск.
Ответ мой невпопад.
О чем, мой друг, ты скажешь мне сейчас?
Все это было триста лет назад.
Я вспоминаю шум морской волны
Мы осознать реалии должны.
К чему нам рай далекой стороны
Навеянный преданьем старины.
Как тихо... Только стук стенных часов
Куда ушли мечты тех юных лет?
Мой милый друг! Не надо на засов.

Своей души ворота закрывать.
Пойми – всего два слова – «Да» и «Нет»
Кому даст Бог всю истину познать?
Как отыскать мне правильный ответ?
Теперь ночами буду вспоминать
Кошачий взгляд,
И бледный диск луны,
Предания забытой старины.
Ах! Время, как остановить твой бег
Чтоб мы остались нежности верны,
Тяжелый груз судьбы – двадцатый век,
А я – прости, всего лишь человек.

ЛУННЫЙ НОКТЮРН

Как чей-то профиль полудиск луны,
По улицам тихонько бродят сны.
И города ночного домино
Как желтоглазый зверь глядит в окно.
Все не понять, – где в шутку, где всерьез
Судьба свой вечный задает вопрос –
Веду состав из прожитых годов
Через вокзалы дальних городов.
Помилуй Бог! Какой сегодня век?
А мимо окон дней безумный бег, –

Все в прошлое — среда, июнь, четверг.
Спешу к тебе, прошу тебя — поверь,
Не запирай души входную дверь.
Над миром россыпь звезд в далекой мгле
Скажи, зачем живем мы на земле?
Послушай, если взять и психануть, —
В ночной июнь тихонько улизнуть...
Пусть стережет нас желтоглазый зверь.
Не бойся, дай мне руку и поверь...

ТЕПЛО ЛАДОНЕЙ ТВОИХ

Дай мне отдышаться от бега,
Окликни меня на ходу.
Так хочется счастья и снега,
Сполна. В наступившем году.

Да! Снега и тихого счастья,
Тепла от ладоней твоих.
Приму я Святое Причастье
И жизнь одну на двоих.

Всё кажется, — я ещё не был,
Душа только просится в даль.
И сыпется, сыпется с неба,
Такой невесомый хрусталь.

Так что же? Я счастлив, пожалуй,
Что эта судьба на двоих.
И как это, все же, немало, —
Тепло от ладоней твоих.

ДАВАЙ ЗАЖЖЕМ СВЕЧУ

Сентябрь. И как всегда,
Звучит какой-то вальс.
Все вроде как тогда,
Все вроде в самый раз.

Мне слышаться опять, —
Играет саксофон.
И так легко мечтать,
Под желтый листьев стон.

Как все же хороши
Простые вечера.
Томление души
Сегодня ли, вчера?

Осенняя пора, —
Банальность? Ну, и пусть.
На кончике пера
Мечта, любовь и грусть.

Прости, что я молчу
О чем-то о своём.
Давай зажжем свечу
И в осень удерем.

СТАРАЯ КВАРТИРА

Свет тусклой лампы над столом,
И старая квартира.
Поговорим о том, о сём,
Что осень наступила.
Октябрь косо бросит дождь,
Как сеятель крупичицы.
Жаль, – быстро стала взрослой дочь
И ночью плохо спится.
Перемешались быль и явь
С какою-то грустинкой,
Ты Розенбаума поставь
Мне старую пластинку.
Мои грехи наперечет
Все осень повторила.
Бог с ней! Ведь добрый друг зовёт
На старую квартиру.

Я ПОМНЮ БЕРЕЗОВЫЙ ЛЕС МОЛОДОЙ

Цвел желтым костром одуванчиков луг,
Некошенный около аэродрома.
На сердце щемящий и сладкий испуг,
Как предвкушенье отъезда из дома.

Я помню – вставал горизонт на ребро
Под плоскостью старенького самолета.
И чье-то короткое слово – «добро»,
Как пожеланье счастливых полетов.

Прозрачный березовый лес молодой,
Качнулся под ветром, как будто прощаясь,
И чаща лесная с живою водой,
Осталась внизу, в облаках отражаясь.

Прочту твои письма со старых страниц,
И выпью упругость полетного неба.
Увидятся образы милых мне лиц,
Да вспомнится дух деревенского хлеба.

Все было, – полета. волнующий миг,
Нас «Аннушка»² в небе нещадно качала,
В листок на колене записывал стих,
И верил, – что все повторится сначала.

² «Аннушка» – бытовое, ласкательное название самолета «Ан-2»

Я СТАРЫЙ ГОД ПРОШУ ОСТАТЬСЯ

У каждого из нас своя дорога,
Знать не дано, что будет впереди.
Я Новый год встречаю у порога,
А старому шепну: «Не уходи!»

Склоняется к закату зимний день,
И чистый снег так сильно пахнет детством.
На снег ложится трепетная тень
И где-то сказка бродит по соседству.

Припомнится вдруг милый отчий дом,
И запах ели сладостно – манящий.
Тот дальний город очень мне знаком
Там Дед мороз гуляет настоящий.

Мне верится, что завтра повезет –
Смогу с тобою рядом оказаться.
Который раз встречая Новый год,
Я старый год тайком прошу остаться.

В АХМАТОВСКОМ САДУ

*«Свежо и остро пахли морем
на блюде устрицы во льду»...*

А. Ахматова.

А помнишь ли, как пахло морем?
В том незапамятном году,

В Ахматовском саду привольном,
В её отроческом саду.

Пестрели тени на балконе,
Летел зелёный водопад.
Ты мне гадала по ладони,
Как много лет тому назад.

Помилуй Бог! Что будет с нами?
Флейтист наигрывал «каприз».
Застыла чайка над волнами,
Судьбы впечатав экслибрис...

ОПЯТЬ СТАНОВИТСЯ ПРОХЛАДНО

Опять становится прохладно,
Листва метелью золотой.
И всё торжественно – нескладно
Такой таинственной порой.

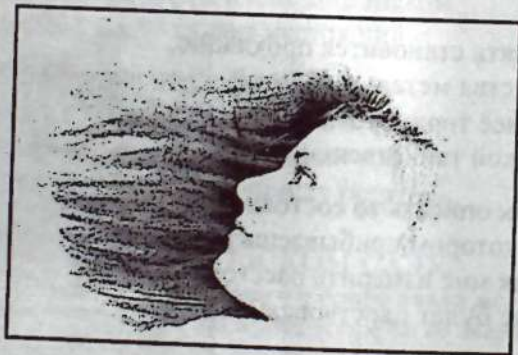
Как описать то состоянье,
В котором прибываешь вновь,
Как мне измерить расстоянье,
Где будет царствовать любовь.

Мне б взвесить золотые листья,
Потрогать тихий шелест трав.

Осенний день с ухмылкой лисьей
Нашепчет в чём я был не прав:

Да память вечерами мечется
И мне покоя не даёт.
Октябрь с мальчишеской беспечностью
Вершит судьбы круговорот.

И становлюсь моложе, вроде я,
Октябрьской свежести вкусив.
Звучит осенняя мелодия,
Непрезентабельный мотив.

Люди, годы, судьбы

СКАЗКА О КОРАБЛИКЕ С ЗЕЛЁНЫМИ ПАРУСАМИ

Одна из сказок, которые мне рассказывают добрые звезды.

*До свиданья, прошедший день.
Здравствуй, майский волшебный вечер.
Белой ночи легкая тень
Опустилась планете на плечи.
А далекие облака
Все плывут и плывут куда-то.
И о чем-то грустит слегка
Небо, тронутое закатом.
У озёр задремали цветы.
Мир накинул ночную маску.
Звёзды, что-то шепча с высоты
Мне расскажут новую сказку.*

В одном шумном южном городе, где ночью небо бархатно-черного цвета, а днём такое синее, что на него больно смотреть, где цвел волшебный миндаль и стояли строгие молчаливые кипарисы, где босоногие мальчишки черные от загара лазали по скалам, собирали на морских камнях мидии и

до одури купались в море. Где греки-рыбаки продавали по дворам свежую ставриду, а на крышах расстилались от зноя и наглой сытости коты, где цвели лаванды и розы, был большой и шумный порт. Из этого порта уходили в далекие невиданные страны большие океанские корабли. Сюда, в этот порт, привозили сказочно-волшебное золото апельсинов, гладкую и полированную слоновую кость и персидские ковры со сказочными узорами. Стояли в этом порту большие и гордые корабли. И среди них трудился маленький неприметный кораблик с зелеными парусами. Он знал, что некоторые корабли поднимают на своих мачтах алые паруса и страшно завидовал им.

Это были корабли из жизни похожей на сказку и из сказок похожих на жизнь. Маленький кораблик с зелеными парусами трудился с утра до вечера, а ночью тихо плакал у причала, и из клюзов его текли соленые слезы. Да, да. Не удивляйся, кораблик горько плакал, стоя у причала. Он тоже хотел развернуть над водной гладью алые паруса. И никто не хотел помочь или утешить его. Вокруг стояли большие гордые

корабли. Они презрительно смеялись над маленьким корабликом.

Они, вообще, презирали корабли и моряков каботажного плавания.

А утром кораблик с зелеными парусами снова отправлялся в путь, везя на себе совсем не романтический груз, а бочки с соленой рыбой и просмоленные бухты толстых канатов.

На полпути маленького кораблика был остров, на котором стоял маяк. На острове жил старый, весь иссушенный соленым ветром и жарким солнцем, дед Георгич со своей дочерью Виолой. Виола была красивая девушка. Она любила встречать солнце, когда оно поднималось из-за горизонта, и провожать его, когда оно скатывалось за горы на берегу. Маленький кораблик любил заходить в узкую, но спокойную бухту этого острова: Он дружил с Виолой. И Виола тоже любила, когда кораблик с зелеными парусами покачивался в тихой бухте. Она жалела кораблик и говорила, что зеленые паруса совсем не беда, а даже очень здорово. И важно не то, какого цвета у тебя паруса, а важно, что несешь ты людям. Большие

пятидесяти пушечные фрегаты и легкие стремительные корветы редко, когда приносили людям радость.

Они несли на борту смерть и разруху.

А маленький кораблик никогда не делал людям зла. И слушая Виоллу, кораблик с зелеными парусами думал: «Может быть она права. Быть может я еще докажу, что имею право нести на мачтах алые паруса». Так думал он и с еще большим усердием трудился.

Однажды на море разыгрался сильный шторм. Ветер неистовой силы обрушил на берег тонны морской воды. По небу неслись ключья разорванных туч. Дождь лил, как из ведра.

Волны перекатывались через островок, и только в комнате наверху маяка было сухо и тепло. Сухо и тепло, но беспокойно. Тяжело заболела Виола. Она любила стоять на крутой скале так, чтобы прибой обдавал водой всё её тело. А был уже октябрь и вечерами вода была холодная, а с гор дул пронизывающий ветер. Виола сильно простудилась и слегла в постель. С каждым днём ей становилось всё хуже и хуже. Она уже

третий день ничего не ела и лежала спокойная и бледная и только в глазах её светился какой-то нездоровый огонь. Временами она впадала в полузабытье и произносила имена цветов и трав, и сказочные названия далеких созвездий. Ей было очень плохо.

Старый Георгич вконец расстроенный сидел у телеграфного ключа и выбивал тревожную дробь морзянки.

Нужно было срочно доставить на остров врача и лекарства.

Виола перестала бредить. Состояние её было очень тяжелым. Она могла умереть в ближайшие сутки...

А шторм продолжал неистовствовать. Свинцово-серые волны с яростью обрушивались на берег, выкидывая и разбивая маленькие легкие суденышки.

В порту приняли радиограмму с острова. Но никто не решился в такую погоду войти в узкую бухту маленького островка. Самолет не смог бы туда приземлиться, даже вертолет не мог вылететь в такую погоду. Все были грустны и молчаливы. Весь город любил старика Георгича и его дочь. А теперь она должна умереть.

На что уже неунывающий народ босонogie мальчишки, но и те плакали, размазывая по чумазым щекам свои чистые, искренние детские слезы.

Потому, что ни самолет, ни вертолет, ни большие прочные и гордые корабли не могли подобраться к острову. А раз так, значит, Виола должна была умереть. Тихо лежала в своей постели Виола. Безудержно плакал Георгич, сняв руку с никому теперь ненужного телеграфного ключа.

И вдруг все услышали грохот якорной цепи. Это снимался с якоря кораблик с зелеными парусами. На этом кораблике был смелый капитан Бутлеров. Это был еще молодой, но достаточно опытный капитан, который никогда не скрывал, а даже гордился, тем, что он был капитаном каботажного судна. «Плавание вдоль берегов требует больше морской сноровки. Это, если хотите знать, своего рода искусство», — частенько говаривал Бутлеров своим товарищам морякам. И вот, взяв на борт врача Виталия Гермагеновича Персикова, Бутлеров вышел в море, взяв курс на остров. Огромные свирепые волны обрушились на маленькое легкое

суденышко. Было жутко смотреть, как кораблик с зелеными парусами то взлетал на самый гребень волны, то стремительно падал в бездну. Но какое-то радостное, азартное чувство риска и удачи охватило всех на берегу. А кораблик уходил все дальше в море...

Когда Бутлеров и Виталий Гермагенович вошли в комнату, Георгич стоял на коленях у изголовья Виолы и плакал. «Доктор! Она умирает», — тихо сказал он. Виталий Гермагенович — опытный врач, спасший жизнь многим людям, никогда не терял надежды на выздоровление больного. Он осмотрел Виолу, сделал ей общеукрепляющий укол и, влив в рот несколько капель какой-то микстуры сказал: «Это запущенное воспаление легких. У больной молодой и крепкий организм. Вот лекарства, которые нужно давать ей. Кроме того, ей нужен покой и питание. Она будет жить». Георгич молча поцеловал Виталия Гермагеновича. А Бутлеров бросился к телеграфному ключу, и в эфир понеслись задорные точки и тире — она будет жить! Она будет жить!

Бутлеров и Персииков остались на острове, ожидая выздоровления больной девушки. Доктор оказался прав. Ей становилось все лучше. Вскоре она уже стала ходить по комнате и весело смотрела на всё вокруг. Только встречаясь взглядом с Бутлеровым, она опускала глаза...

Уходя с острова, капитан украдкой положил на туалетный столик Виолы маленький букетик лаванды и записку...

Когда кораблик с зелёными парусами входил в порт, его встретили радостным орудийным салютом. Даже большие военные корабли, которые раньше не замечали маленького суденышка, с радостным визгом выплывали далеко в море шестидюймовые снаряды. В городе был объявлен праздник. С этого дня все жители города праздновали день тридцатого октября — День Спасения Виолы. Потому, что именно в этот день Бутлеров передал в эфир: «Она будет жить!»

С тех пор каждое утро выходил из порта кораблик под алыми парусами, как сама заря, отражающимися в воде. Он вез совсем не романтический груз: бочки с соленой

рыбой и просмоленные бухты, толстых канатов. Но на мачтах его гордо надувались алые паруса, на корме светилось гордое имя «Спаситель». И большие корабли смущенно уходили с фарватера, давая ему дорогу.

ЗАЧЕМ МЫ ЧИТАЕМ АФИШИ?

(Почти Р.Бредбери)

Действительно, зачем? Может быть, всю эту историю следовало назвать, скажем, «Кот в космосе». Хотя, причем здесь кот? А вообще, что Вам больше нравится – Сальвадор Дали или Курт Воннегут? Один мой знакомый на этот вопрос ответил, что ему больше нравится мороженое. Сейчас такое время, что трудно различать, где истина, а где вымысел. Кто прав, а о том кто виноват, я уже не говорю. Впрочем, нынешний просвещенный читатель сумеет расставить все точки над «i».

История эта изложена в юмористическом, а если хотите, шизофреническом стиле. «Так пишут на планете Альфа Мадора, откуда прилетают летающие блюдца».

Курт Воннегут – младший.

Да, да, уважаемый читатель! В нашей повседневной жизни есть много вещей; которые нам так приелись, что мы перестаем обращать на них внимание. А зря. Раскаяние приходит позже. Так незадачливый пешеход, находясь в городской травматологии, думает: «Эх! Черт возьми! Жаль, что я не обратил внимание на этот синий «Москвич». Может быть он, правда, думает о зеленом «Запорожце» или красных «Жигулях», но думает он именно так, а не иначе. Смею Вас уверить. Итак, внимание, внимание! Будьте внимательны и осторожны при переходе улиц.

А я, будь у меня на это полномочия, вывесил бы большой и красивый плакат: Внимание, афиши! Не надо делать удивленные глаза, приятель. Все, что ты узнаешь, будет связано с афишей. Впрочем, все по порядку.

В этот солнечный июльский день, а это был именно такой день, я бесцельно бродил по центральной улице города. Все шло как всегда. Толпы людей, толкаются в автобусах и, как не странно, в пустых магазинах. Надменные и лаконичные продавщицы, на-

зойливые покупатели — вся эта пестрая публика варилась в стеклянно-бетонном котле летнего города. Солнце пекло нещадно. Вспотели даже железные крыши — над ними стояла лёгкая испарина. Всё это было уже старо и здорово приелось. Я скучающим взглядом рассматривал дома и прохожих. Проходя мимо кинотеатра «Хроника», машинально пробежал глазами афишу: «Кот в космосе? Это в наших силах». Что за чепуха? Кому это нужно? Вечно что-нибудь придумают. С такими, примерно, мыслями я отошел довольно далеко, и вдруг меня осенило: «А что если...?»

Я с трудом отыскал администратора. Сбиваясь, рассказал ему, что меня волнует. Вскоре мы нашли художника, который нарисовал эту афишу. Художник — уже начинающий полнеть человек. Волосы его, густые и темные, кое-где уже тронула седина. Петр Никодимович, так звали художника, привел меня к себе домой. Жил он за рекой в симпатичном домике под черепичной крышей. Отсюда был слышен шум проходящих поездов, пахло рекой и пристанью.

Гудки тепловозов чередовались с гудками пароходов.

Петр Никодимович показал мне свои работы: натюрморты, пейзажи и несколько копий Дюрера. Затем он повёл меня в маленькую комнатку, где пахло, свежей краской и плакатной бумагой. В этой комнате среди вороха афиш я снова увидел: «Кот в космосе? Это в наших силах».

— Вот то, что Вас так интересует. Эту афишу я написал вчера. Эта афиша нового научно-популярного фильма. Фильм чрезвычайно интересен. В нём очень хорошо изложена проблема синтеза белков в космических условиях.

Вы спрашиваете причем тут кот? Вот он и производит главные операции. В его мозг вживлены синтезированные позитронные клетки. Мы работаем с ним семь лет. Месяц назад мы добились успеха.

Тут я не выдержал. Я вспомнил о многочисленных статьях (в журналах «Наука и жизнь», «Вокруг света» и «Техника молодежи»), которые рассказывали о профессоре Белове. Он занимался вопросами синтеза белков в космических условиях и созданием

искусственного интеллекта. Лет семь назад он погиб в автомобильной катастрофе.

— Слушайте, что Вы болтаете? Вы начали о Белове в научно-популярных журналах. А теперь Вы пытаетесь выдать его труды за свои. Вы ничего в этом даже не смыслите. Вы просто... Вы просто художник от слова худо! — рассержен я был здорово.

А Петр Никодимович спокойно спросил:

— А Вы помните обстоятельства гибели Белова?

— Его машина столкнулась с груженым самосвалом.

— Верно. Только это была не катастрофа, а очередной эксперимент. Ведь мне было уже под семьдесят. А сейчас Вы видите перед собой собранные и синтезированные клетки Белова.

— Это чепуха! Так пишут в дешевых фантастических романах. Бросьте меня разыгрывать. И зачем нужен был этот спектакль с автомобилями?

— А я никого и не собираюсь разыгрывать. Автомобиль мне был нужен для того,

чтобы придать моему телу определенную скорость. Завтра мир узнает о новом достижении науки, и всё станет ясно.

А пока давайте пить чай. Я Вас угощу вареньем, а потом покажу лабораторию и своего сотрудника.

— Петр Никодимович! Уже, не работаете ли Вы с ...

— Верно. Я работаю с Великим Мьявом, Великим позитронным котом галактики. Отсюда и афиша.

— Да, но как он поднимается в космос?

— На биологических ракетах, которые все почему-то называют «тарелками». Энергию этим ракетам давала сгоревшая дезоксирибонуклеиновая кислота. На орбите он синтезировал нефтяные белки, а о результатах сообщал мне на землю.

С такими разговорами мы приступили к чаепитию. Испив чаю из настоящего самовара, мы отправились вниз. Там под землей находилась лаборатория.

В полутемной комнате было прохладно. У светящегося пульта сидел Мьяв. Обернувшись, он многозначительно спросил: «Мру?»

— Говори, не стесняйся. Это не корреспондент «Комсомольской правды». Это просто наш гость из города.

— «Мру», — утвердительно ответил Мьяв: Он рассказал мне всё то, о чем говорил Петр Никодимович. Закончил он свой рассказ так: «Все так оно и есть. Мир завтра узнает о новом триумфе Белова. Так что не зачем печалиться о его смерти. Наука не знает невозвратимых потерь».

Я долго молчал. Услышанное и увиденное потрясло меня. Я смотрел на мерцающие лампочки пульта. Слушал довольное мурлыканье Мьява, который радовался удачным своим расчётам. Все это напоминало фантастику, но это было на самом деле.

Потом мы втроем поднялись наверх. Было уже поздно. Мы пробыли в лаборатории не один час. Идти обратно в город в такой час было нелепо. Петр Никодимович предложил переночевать у него. Уже когда мы улеглись, он спросил:

— А знаете, что за варенье Вы ели сегодня за чаем?

— По-моему персиковое. Очень хорошее варенье.

— Вы ошиблись. Это одна из моих последних работ.

Значит, я съел сегодня блюдечко нефти. Пусть синтезированной, но нефти. Вот, черт возьми, — засыпая, подумал я.

Когда я проснулся, за окном стояло отличное июльское утро. На столе лежал раскрытый журнал «Техника молодежи» со статьей:

«Сны — научный взгляд на проблему». Статья заканчивалась словами: «Как правило, цветные, сумбурные, а также логически связанные сны сняты людям с аномалиями в психической деятельности, История знает немало фактов, когда в снах находили отражения решения важных проблем.

Проф. Белков П.Н.»

Может быть, оно и правильно, кто его знает?

Распахнулась дверь и в комнату важно вошёл мой черный кот Мьялик. Он утвердительно сказал: «Мруу». И прыгнув на диван, свернулся калачиком и замурлыкал.

ИСПОВЕДЬ ПАССАЖИРА

Не знаю, как кого, а меня дорога волну-ет. Дорожные знакомства всегда интересны — это страницы огромной и мудрой книги, имя которой Жизнь. Дорожные рассказы, они как порыв откровения, как исповедь.

Поезд «Свердловск — Приобье» из нашего города уходит вечером. Большую часть пути он идёт ночью через таёжные просторы Северного Урала. Летом в этих широтах белые ночи и можно всю ночь любоваться бегущей мимо окон тайгой. Зимой же, когда за окнами темнота и холод, хорошо слушать жалостливое поскрипывание старого вагона и неторопливый разговор попутчиков. Люблю я дорогу.

На этот раз в купе со мной было ещё два пассажира: Миша — двадцатилетний студент, который сразу после чая ушёл в вагон-ресторан смотреть «видик», и Станислав Федорович — нефтяник из Нягани. С ним-то и завязался у меня типичный, на первый взгляд, дорожный разговор. Сначала мы дружно поругали правительство, посетовали на высокие цены, переключились на

погоду, поговорили о детях и принялись за нехитрый дорожный ужин. Я достал предусмотрительно взятую с собой фляжку домашнего смородинового вина, и Станислав Федорович, с видом знатока пригубив вино, дал ему весьма лестную оценку. И поплыл наш разговор, уносимый ночным поездом в дальние дали...

— Знаете, когда за окном падает первый несмелый снежок, чувствуешь, как происходит очищение души. Доброе это время: ещё не зима, но уже и не осень — пора откровения.

— Вы правы, — поддержал Станислав Федорович, — такая пора; да и сама дорога, располагают к откровенному разговору. Я вот вам о любви расскажу. Да нет, не из рыцарских романов, а о современной, житейской, которая вокруг нас. Вот послушайте. — И он стал неторопливо рассказывать:

— Многим может показаться странным, что человек в сорок лет вдруг начинает по-новому смотреть на мир, понимая, что влюбился, влюбился как мальчишка. Большую часть своей сознательной жизни, Сурков провёл на Севере. Складывалось у него всё,

как у многих: окончил школу, отслужил в армии и подался после «дембеля» в нефтяники. Романтика. Заочно окончил нефтяной институт в Уфе. И вот к сорока годам стал довольно солидным руководителем в своей отрасли. Но не кабинетным, а, как он сам себя называл, бродячим. Новый Уренгой, Сургут, Стрежевой, Нягань, Ивдель — вот его география.

Жена Ольга делила с ним все дороги, неустроенный быт и другие житейские трудности. Жили в палатках, сборно-щитовых домиках (их в шутку называют сборно-щелевыми) — все было... Две дочери, старшей пятнадцать, младшей — одиннадцать лет. На вопросы о своей личной жизни Сурков всегда отвечал: «Премного доволен. В общем, счастлив, братцы». Да. Любил он и жену, и дочерей, любовь была взаимной.

Вот такой он, Сурков, инженер-нефтяник.

И представляете себе, влюбился. Необычайный, замкнутый даже, он не имел тяги к любовным приключениям. Среди зна-

комых слыл увальнем и неплохим семьянином, впрочем, так оно и было. А тут вдруг...

Познакомились они, как большинство людей на этом свете, случайно. Сурков был в одной из своих поездок в северном уральском городе. И там в плановом отделе геологической экспедиции увидел её. И, можно сказать, потерял голову. В их встрече усматривался какой-то рок. Светлана, так звали старшего экономиста, была красивой женщиной. И этим сказано все!

Описать красоту невозможно — это как космос. Одно лишь скажу, что глаза у неё особенные. В них все время хотелось смотреть. Как в лесное озеро. Только от озера идет прохлада, а от глаз Светланы веяло каким-то притягивающим теплом.

Вообще, мне думается, что красивой женщиной быть труднее, чем министром. Впрочем, это уже другой разговор. Была она когда-то замужем, но что-то в личной жизни её не сложилось. Одинокая красивая женщина... Злые языки болтали о ней всякое. Но что такое сплетни против настоящей красоты, — «тьфу!»

Вечерами, беседуя сам с собой, Сурков рассуждал: «Разлюбил ли я жену? Нет, я люблю её, свою Олюшку. Сколько с ней всего прожили. Разве смогу я без неё? Нет и ещё раз нет.» А потом вспоминал её, ту единственную, ради встречи с которой жил, казалось, всю жизнь. И с ужасом понимал, что любит и эту женщину тоже. Что же делать?

Волнуясь, набирал он «вечное 07» и заказывал далекий город и известный номер. У него перехватывало дыхание, когда металлический голос телефонистки спрашивал: «Н-ск заказывали? Говорите». А затем на другом конце провода раздавалось: «Я вас слушаю».

Он явственно видел, как она стоит у телефона в домашнем халатике, почти детских тапочках и мило улыбается. Протяни руку — и можно обнять её.

— Светланка? Привет, моя хорошая, это я.

— Как твои дела? — слышалось в ответ. — Спасибо за письмо. Ты пиши почаще. У меня все нормально. Что делаю? Смотрю, как тихо падает снег (или желтые листья, в за-

висимости от сезона), и вспоминаю тебя. Ты когда приедешь? Заглянешь? Приезжай, мой хороший.

— Приеду, только не знаю, как скоро. Найду тебя обязательно. Увидимся.

И вдруг, как удар по лицу: короткие гудки. «Наверное, это грех большой», — думал Сурков, и после таких телефонных разговоров уходил в тайгу. Не на охоту и не за грибами-ягодами, а глотнуть небушка, побродить.

— Все, попрошу у шефа отгулы и смогаюсь, загляну в ее глубокие глаза, — решал он. А шеф вместо отгулов посылал его на дальние буровые. Проза...

Тут вам самое время иронично вскинуть брови — это мы уже проходили. Банальная история. Про такое уже писано-переписано. Но про жизнь, вообще, писано и говорено много. Жизнь каждого — это, если хотите, многосерийная лента. Обидно, правда, что сам являешься и режиссером, и автором сценария, а что-нибудь переснять, увы, нельзя. Работать приходится без черновика и репетиций. А думать и любить не запретишь — это от Бога.

Конечно, Сурков, в конце-концов, не единожды был в Н-ске. Не судите их — любовь неподсудна. А в жизни бывают разные «кренделя». С тех пор уже время прошло. Старшая дочь Суркова уже в институте. Сам сесть потихоньку начал. Светлана вышла замуж, сына растит.

Попутчик мой замолчал, потянулся за папиросами, и, глядя, как он разминает пальцами беломорину, я вдруг понял: а ведь это он о себе рассказывал, точно, о себе. Я не стал тревожить его расспросами.

Давно угомонились пассажиры, затихли голоса. А я всё всматривался в бегущие мимо темные сосны и представлял, как эта чужая красивая женщина, в чью жизнь я невольно заглянул сегодня порой такими же поздними вечерами долго стоит у окна, прислонившись лбом к прохладному стеклу, и думает о том, что где-то по свету ходит её Сурков. Давняя её боль. Несбывшаяся судьба.

СКАЗОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Падал снег. И, этим, пожалуй, всё сказано. Падал снег и всё. Впрочем, это только на первый взгляд так кажется. Город, на который падает снег — это уже совершенно другой город — сказочный. Вон, улицей, кутаясь в тёплый шарф, плывет в снежной кутерьме Ганс Христиан Андерсен, неуверенно переходит улицу Великий Мерлин, Баба-Яга пытается обменять у простоватого лешего прохуdivшуюся ступу на три ваучера. Скажете — так не бывает? Но, помилуйте, ведь над городом кружится снег, значит, город этот сказочный. А в сказочном городе всё может быть. Тем более, перед Новым годом. Простите, забыл Вас предупредить, — дело-то к Новому году идёт. Слышите? Звонят где-то хрустальные колокольчики. Сама Снежная Королева разезжает по улицам. Нужно только повнимательнее взглядеться, и тогда...

В комнате полумрак, тикают часы. Он стоял у окна и смотрел на падающий снег. По улице торопливо шагали редкие прохожие. Скоро Новый год, совсем скоро. Тихо

и печально было в комнате, и печально, и тихо было у него на душе. По правде сказать — в комнате царило одиночество. Сквозь оконное стекло с улицы в комнату холодно смотрела Снежная Королева. От её надменного взгляда в комнате стало промозгло, а на сердце навалилась тоска.

И вдруг, весёлой трелью разразился телефонный аппарат. «Кто бы это мог быть» — подумал он и медленно взял трубку.

— Алло, я слушаю.

— Наконец-то, уже полчаса не могу до тебя дозвониться. Мы же договорились с тобой. Я тебя жду, жду... Завтра карнавал, помнишь? — звучал в трубке незнакомый женский голос.

— Позвольте, Вы, наверное, ошиблись номером, — начал было он.

— Не принимаю никаких отговорок. Завтра, в семь вечера у входа, как договорились, — и в трубке раздались гудки...

«Чудеса, да и только, — подумал он, — А что, если пойти? Эх, была не была, решено».

Вечером уже без четверти семь, стоя у входа в городской ДК, он с удивлением за-

метил в себе волнение. Да, он волновался. Во-первых, он думал — придёт, не придёт? А, во-вторых, что будет, если она придёт? И, представьте себе, она пришла. Взгляд у неё был удивительным, а брови сердито хмурились. Оглядываясь по сторонам, она подходила к ДК. В некоторой нерешительности она остановилась у дверей.

— Простите, Вы не меня ждете? — спросил он, протягивая ей три гвоздики, бережно завернутые в газету поверх целлофана. Она с удивлением вскинула ресницы. «А глаза у неё зелёные» — подумал он.

— Нет, я жду не Вас. Что это Вам взбрело в голову?

— Но ведь мы вчера договорились по телефону. Я ещё сказал, что Вы ошиблись номером, а Вы заявили, что никаких отговорок не принимаете. Вот я и пришёл.

Тут она озорно засмеялась.

— Так это Вы? Вот так история. Что ж, раз уж пришли — пойдёмте.

Карнавал встретил их музыкой и светом. И они кружились, кружились в танце. Сыпалось конфетти, искрилось шампанское, и чуть-чуть кружилась голова.

Уже за полночь они вышли на улицу.

И падал снег... Вдоль дороги, стояли пушистые деревья. Сквозь снежную пелену силуэты прохожих, домов и бегущие автомобили — все выглядело нереальным, странным. Они шли всё дальше и дальше. Впереди был Новый год и целая жизнь. Полная любви и счастья. Нескоро пробьётся её первая седина. Дай им Бог...

— Кажется, удалось, — задумчиво произнес вынырнувший из снежной круговерти Ганс Христиан Андерсен.

Ведь это он, заметив, что в комнату нашего героя холодным взглядом смотрит Снежная Королева, сбил с толку телефонистку на коммутаторе. А уж дальше всё пошло так, как и должно было в сказочном городе под Новый год... Я Вам скажу по секрету, что потом у них была свадьба.

Сегодня снова декабрь. И за окном тихо падает снег. Скоро Новый год. А знаете, — ошибайтесь иногда телефонными номерами.

ЗА ЧУДЕСАМИ

Июль — месяц особенный, жаркий, неистовый, страстный, долгий, как жизнь и короткий, как первая любовь. И даже не очень жаркий, дождливый, как в нынешнее лето, июль — все равно июль. В один из таких по-настоящему жарких июльских дней, мы с дочкой отправляемся за чудесами.

Лесная, заросшая травой дорога, зной, жужжанье комаров и оводов, и легкий бег велосипедов по травяному ковру. Вместе с лесной дорогой мы с дочкой вливаемся на сказочную поляну, всю покрытую луговыми цветами. Мы ищем чудо, и чудо — вот оно рядом.

Прямо у велосипедного колеса замер на дороге темно-бурый масленок. Спешиваемся, присматриваемся. Ба! Да здесь целое семейство притаилось в придорожной траве. Вот и первая грибная добыча в этом году. А зной, между тем, всё настойчивее, комары и оводы всё беспощадней. Миновав поляну, мы углубляемся в лес. И вот уже нет лесной дороги, а лишь узенькая тропинка, заваленная буреломом. Мы должны дойти до род-

ника. Нас одолевает жажда. Дочурка моя совсем разморилась, но виду не подаёт, держится молодцом. Мы оставляем велосипеды у приметной сосны, а сами продвигаемся по тропе к заветному роднику.

— Папа, мы прямо, как экипаж яхты «Дункан», путешествующий в поисках капитана Гранта по Патагонии. Они шли по тридцать седьмой параллели, а мы по какой?

— По шестьдесят второй.

Так, за разговорами, выбрались мы на каменистую осыпь. Внизу шумит ручей, а дальше в метрах в двухстах — заполненный водой старый карьер. Впрочем, никакой это не карьер, а волшебное озеро с прекрасной голубой водой. Однако, дойти до него не так-то просто. Берега ручья соединяют две жерди, довольно-таки несерьезных на вид.

Длина мостика метра три-четыре. До мутного бурлящего внизу ручья метра два — всего ничего, но шум воды, бегущий по каменистому руслу, стремительное её движение приковывает взгляд. Берега ручья сплошь заросли крапивой, что делает мысль о падении с мостика особенно неприятной.

А на той стороне — опять чудо. Между жердинами кивает своими фарфоровыми чашечками — колокольчиками, словно приглашая нас скорее перебраться, лесной ландыш.

— Я — первая. Я ничем не хуже Роберта Гранта.

И вот дочурка моя уже на середине мостика, вот она уже наклоняется над ландышем и говорит ему что-то ласковое.

— Да, ты у меня молодец — настоящая путешественница.

И мы бежим по каменистому склону к озеру. Боже, как хороша, как живительна его влага. Поверьте мне — здесь ни чуть не хуже, чем в тропической лагуне. Вон, на большом листе водяной лилии сидит и смотрит на нас Царевна-лягушка. Взгляд её загадочен и влажен.

— Прости, красавица, — говорю я ей, — взял бы я тебя в жены, да давненько уже семьей обзавелся. Гляди, дочь уже какая большая.

Царевна с пониманием тяжело вздыхает и прыгает в воду. Вот и нет её, только круги по воде...

Освежившись, мы с дочерью отправляемся в обратный путь. Под старой поваленной ветром берёзой находим несколько подберёзовиков. Наконец, добираемся до автомобильной грунтовой дороги. Путь наш теперь до самого дома лежит под гору.

Так что едем мы теперь без всякого напряжения, почти с наслаждением. Комаров и оводов здесь уже нет, лицо обдувает свежий ветерок. Мы едем рядом и неспешно беседуем. Вот последний спуск, поворот и мы, словно победители на белых конях, въезжаем на нашу улицу. О нашем триумфе красноречиво говорит закрепленная на велосипедном багажнике корзина с грибами. Мама нас уже заждалась.

Аппетит мы нагуляли отменный, так что первый в этом году грибной суп пришелся очень кстати.

Уже поздно вечером, укладываясь спать, дочь спрашивает меня: «Пап, ты как-то рассказывал мне, что писатель Константин Паустовский говорил, что из одного дня человеческой жизни может получиться рассказ. А из нашего дня рассказ получится?»

– Не знаю, дочурка, как рассказ, но суп грибной вышел – пальчики оближешь.

РАССКАЗ О СТАРЫХ ПИСЬМАХ

Странно устроен человек. Зимой ему хочется теплых дней и зеленой листвы, а летом подавай снежок и морозец. И так уже, который год? Пожалуй, от сотворения мира. «Это не догма, а просто факт», – как любит говорить мой друг Виктор. Когда-то мы учились в одном классе.

Судьба раскидала нас, но мы до сих пор переписываемся. Иногда езжу к нему в гости. Он живёт в городе нашего детства.

В один из жарких летних вечеров мы сидели на окне третьего этажа, было скучно и душно. Пахло бензином и белой акацией. Солнце нехотя скатывалось за крышу соседнего дома. Когда оно скрылось почти совсем, Виктор спросил.

– Ты Паустовского любишь?

– Что за вопрос? Очень дельный писатель. Книжки у него – от и до, – скучным голосом ответил я.

— А Грина?

— Ты, что, спятил? Конечно, люблю. А зачем тебе это?

— Да, так, послушай, и он стал рассказывать мне, как я понял, о зиме и морозе.

— Это был зимний вечер. За окном падал мокрый снег и дул с лимана противный мокрый ветер. В зимние вечера, когда на улице стоит дрянная погода, а в голову лезет всякая лирическая чушь, я люблю перечитывать старые письма и открытки. Они лежат в большой шкатулке, которая осталась от давно умершей матери... В комнате царил полумрак, из приёмника лилась тихая музыка, кажется «Сказки Венского леса», ветер бросал в окно мокрый снег, а я сидел за столом и перебирал старые письма и почтовые открытки.

Случайно в руки мне попала старая, а вернее старинная открытка. Чернила пожелтели, и я с трудом разобрал её текст: «Здравствуйте, милая Верочка! Ждите меня сегодня вечером около женской гимназии. Мне непременно нужно сказать Вам нечто очень важное. Ваш Володя. Декабрь 1879г.»

Я рассердился на этого Володю. Во-первых, что значит вечером? Это может быть и шесть часов, и восемь. Во-вторых, мало ли может быть в городе женских гимназий? Вдруг я вспомнил, что в нашем городе была только одна женская гимназия. Это обстоятельство заставило меня более мягко отнестись к Володе. Меня смущала дата под письмом. Открытке было больше ста лет.

А за окном шёл мокрый снег. Он кружился и кружился, подхватываемый ветром, яростно бросался в окна домов и, наконец, обессилев, тихо падал на землю...

Я оделся и вышел на улицу. Горели холодным лимонным светом неоновые фонари. Мокрый снег противно лип к лицу. Ветер пел свою зимнюю песню. Казалось, за мной из дома вышла мелодия «Сказок Венского леса». Должно быть, она сильно звучала в моей душе. Это несколько вдохновило меня.

Скоро я подошел к гимназии, которая уже много лет была школой. Красивое старинное здание, сложенное из серого камня, Чтобы попасть во внутрь, нужно подняться

на несколько старых ступенек и открыть тяжелую дверь с лепными украшениями. Около ступенек стояли два старых фонаря, они не горели уже лет семьдесят. Словно стражи старой доброй жизни они тихо поскрипывали под сильным ветром. Они словно жаловались на эту сумасшедшую жизнь, на неблагодарных людей, которые бросили их и перестали заботиться. А ведь светили они много лет и честно делали свое дело.

Снег, между тем, пошёл сильнее, Он совсем засыпал ступеньки и облепил фонари. Я прошёлся перед гимназией, постоял около фонаря и понял, что она не придёт. Она никогда сюда больше не придет, и никто уже не услышит шороха её платья. Было грустно и за кого-то обидно. Не знаю, может быть, за Володю. Впрочем, они, возможно, встретились в тот вечер... Я заботливо очистил снег со ступенек и фонарей, и пошёл по ночной улице, над которой светили совсем ещё молодые фонари. Они светят неживым лимонным светом. Бог с ними — пусть светят хотя бы так.

Снег перестал падать. Небо расчистилось, на нём стали отчетливо видны зимние звёзды.

Домой идти не хотелось. Хорошо было гулять по ночным улицам. Я смотрел на звёзды, слушал песни зимнего ветра и «Сказки Венского леса». Рассвет я встретил на мосту через Южный Буг. Ветер стих. Морозный румянец зари вставал над городом...

Виктор замолчал. Он думал о чем-то, о своём и смотрел на темнеющее небо. Мне очень понравилась эта история. Я не знаю, было ли это все так, как рассказал Виктор, или иначе.

Но было, во всяком случае, что-то очень похожее. Я не выдержал и спросил:

— Слушай, почему ты решил, в этот летний вечер, в эту тяжелую жару рассказать о зиме? И, вообще, почему ты вдруг рассказал мне эту историю?

— Потому, что ты любишь Грина и Паустовского, — сказал он и улыбнулся.

«НО НЕ ПОТЕРЯНА РОССИЯ, ПОКА ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА»

Поездка к святым местам

Вот уже несколько лет прихожане Иоанно-Предтеченского православного храма города Кумертау совершают паломничество в Дивеево, где покоятся святые мощи Серафима Саровского. В этом году Православная церковь отметила 100-летие канонизации этого широко почитаемого на Руси святого. На торжества по случаю 100-летия причисления отца Серафима к лику святых к святым местам приезжал Президент РФ В.Путин.

Группа наших паломников отправилась в Дивеево в успенский пост, получив благословение отца Анатолия – настоятеля нашего храма. Путь наш проходил через Оренбургскую, Самарскую, Ульяновскую области, через Республику Мордовию и окончился в Нижегородской области, где и расположен Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. Неопишуема красота храмов этого монастыря, которые, словно

спустившиеся на землю облака, застыли в своем архитектурном величии во славу Божию. Со всего мира съезжаются сюда паломники.

В период нашего пребывания там мы познакомились с паломниками из Молдавии, Украины, Германии, Англии и Греции.

Режим нашего пребывания был достаточно насыщенным. Первая служба началась в пять утра, вторая – с восьми. Затем обед в трапезной под открытым небом. После поклонения святым мощам посетили святые источники и другие святые места. Вечерняя служба – в 17 часов. Ужин, крестный ход и отход ко сну.

За время пребывания в Дивеевском монастыре наши паломники приложились к мощам Серафима Саровского, посетили святые источники Казанской Божьей матери, преподобной Александры Дивеевской, набрали там святой водицы и совершили трехкратное погружение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Сподобились мы причаститься святых и животворящих Христовых тайн в Троицком и Преображенских соборах монастыря. Совершали хождение по святой канавке с молитвою Пресвятой Бо-

городице. Ведь Дивеево — это особый удел Божьей матери на земле. Кто с молитвою канавку обойдет, тому всё тут: «и Афон, и Иерусалим, и Киев».

А какое благоухание на территории монастыря, сколько цветов! И какое благолепие — душа так и поёт. И забываются все суетные страсти, нерадения, скорби и дрязги. Думается о вечном, о смысле жизни. И губы сами творят слова молитвы, и шепчешь, склонив голову: «Господи! Сохрани и помилуй нас грешных». И дышится легко, и мысли светлы, и взор ясен. И хочется обнять всех людей и сказать им: «Живите в мире и любите друг друга».

На обратном пути заехали в Санаксарский монастырь, что в Республике Мордовии на берегу реки Мокши. Расположен он в живописнейшем месте, со всех сторон окружают его привольные леса. И вот они расступаются, и взору предстаёт сказочная панорама монастыря с башенками и цветными куполами церквей. Вот она, благодать Божия! Мы все буквально замерли, увидев эту чудную картину. И подумалось, если здесь такая красота, то что же в чертогах Создателя? Не может и представить наш ра-

зум. Побыв на вечерней службе, утром некоторые паломники причастились святых Христовых таинств в главном храме Рождества Пресвятой Богородицы. В этом же храме приложились мы к святым мощам Феодора Санаксарского, Александра Санаксарского и Федора Ушакова. Вот уж поистине промысел Божий! Поместье родовое дворян Ушаковых недалеко от монастыря за тысячи верст от моря, в лесном краю. А вот поди ж ты, стал Фёдор Фёдорович адмиралом — великим флотоводцем. С особым благоговением приложился я к его мощам. И сквозь молитвенное пение слышны были шум волн и звуки далёкой морской баталии. Вот она, слава Божия. Вот она, слава российская, вот пример служения Отечеству. Бережно хранит история имена достойных сыновей и дочерей российских.

И теперь, слава Богу, и в нашем храме будут прославлять мощи Александра и Феодора Санаксарских, адмирала Фёдора Ушакова. К сим мощам полезно бы прилагаться воинам и юношам, уходящим на службу. На всем пути следования и в период проживания в монастырях пастырем на-

шим был отец Владимир. С ним вместе творили мы молитву, разъяснял он нам многие вопросы жизни христианской, вел поучительные, полезные беседы, просвещая нас. И царили среди нас согласие, взаимопомощь и братская любовь. Сорок пять человек из Кумертау в возрасте от 10 до 83 лет поклонялись в этом году святым местам. Вместе коротали дорогу, вместе трапезничали, вместе молились. В общей сложности, туда и обратно, путь наш составил более двух тысяч километров. Немного усталые, но душевно обновленные и довольные мы возвратились домой.

Мирские страсти и невзгоды,
Но, друг, ты пристальной смотри!
Ведь есть спасение народам, —
Российские монастыри.

То зной, а то дожди косые,
Тревога на душу легла.
Но не потеряна Россия,
Пока звонят колокола.

Судьбы нелёгкая дорога,
Да! Сложен и тернист наш путь.
Всё ж много милости у Бога,
И в этом, видно, жизни суть.

Вхожу я в храм и осторожно
Шепчу с надеждою: «Прости!
Оборони нас, Матерь Божья,
Свой взор от нас не отврати».

Заката золотые краски,
Вот благодать-то, посмотри,
Дивеевский и Санаксарский —
Российские монастыри.

Думаю, выражу мнение всех паломников, если выскажу благодарность отцу Анатолию за организацию этой поездки, главе администрации города С. И. Афонину, руководству АТП за выделение автобуса, водителям, которые нас доставили туда и обратно, отцу Владимиру за отеческую заботу о нас во время паломничества. Слава Богу, что осуществилась наша поездка, что живы и возрождаются духовные традиции Святой Руси.

Да пребудут с нами мир и Благодать Божия.

ОТЧИЙ ДОМ

Здесь отчий дом.

Здесь чай с воспоминаньями,
Мне здесь мечтать и думать до утра.
Луна опять, купаясь в ветках яблони,
Уйти не хочет с нашего двора.

Стою, смотрю на «Малую медведицу»,
И как котенка глажу «Млечный путь».
О всем о том, во что не очень верится,
Я расскажу тебе когда-нибудь.

Здесь познаю особую теорию,
Особый смысл и мудрость познаю.
Расскажет мать мне всей семьи историю,
Люблю гостить в родительском краю.

То мы с отцом с работою неспешною
И с сыном вместе «крутимся», – друзья!
То все втроем рыбалкою успешною
Гордимся, да иначе и нельзя.

Как хорошо, когда семья шумливая
Теснится вечерами за столом.
Звучат слова незлобные, шутливые,
Да разговор течет: «о том, о сём».

Пожалуй, нету в мире выше почести,
И не ищи плохого в том, жена,
Коль мне отец как равному по совести
Нальет стакан домашнего вина.

Где отчий дом, там небо синей краскою.
А в доме том и мудрость и уют.
И воздух пахнет яблоком и сказкою,
Да мать с отцом здесь праведно живут.
Мне в этом доме в счастье легче верится,
Так хорошо, взглянув на «Млечный путь»,
Погладить тихо «Малую медведицу»
И вспомнить это всё когда-нибудь.

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО

(Можно использовать как строевую песню)

Вновь над Северным Кавказом дожди,
И кто знает, что нас ждёт впереди.
Я пишу тебе, – ты только дождись,
Не смотря на то, что плачут дожди.

Сквозь ущелье БэТЭР наш ползёт,
И кружит над цепью гор вертолёт.
Да гремит над перевалом гроза,
Вспоминаются твои мне глаза.

ПРИПЕВ:

Отправлю я тебе письмо, дружок, с оказией
Своей девчоночке хорошей ясноглазенькой.
Ты на судьбу свою, любимая, не жалуйся,
А лишь дождись меня прошу тебя,
пожалуйста!

Заступаем мы сегодня в наряд,
Вновь уходят батальоны в закат.
Нам опасность часто дышит в лицо,
Напиши скорее мне письмецо.

Не хватает взгляда глаз твоих мне,
Вот куда-то снова мчусь на броне
Прошивает ночи тьму автомат,
Только верь, что возвращусь я назад.

ПРИПЕВ:

Отправлю я тебе письмо, дружок, с оказией
Своей девчоночке хорошей ясноглазенькой.
Ты на судьбу свою, любимая, не жалуйся,
А лишь дождись меня прошу тебя,
пожалуйста!

ОСЕННИЙ ДНЕВНИК

Пришла осень, как приходят старые добрые друзья. Обстоятельно и не спеша обустроилась она по склонам Уральского хребта, окрасив тайгу волшебными красками. Обаяние осени схоже с обаянием женщины, сознающей свою красоту. Тихо кружатся листья и, словно, брошенные на счастье золотые монетки, плывут они по темным водам таежной речки. Дышится легко и такие дали открываются с гор – сказка! Так вот ты какая, Россия...

Над тайгою висит
переменная облачность осени,
Как лепной потолок
над вершинами дальних берёз,
Полыньи в облаках
обжигают холодной просинью,
Временами осадки,
да выющийся дым папирос.

Пахнет дымом костра
и опавшими листьями, свежестью:
Отлетающих птиц

в поднебесье слышны голоса.
Я люблю тебя, осень,
как девушку с трепетной нежностью,
Кружит голову мне
твоя рыжая с красным коса.

Окуну я лицо
в твои милые рыжие волосы
И тебе прошепчу
о своей непонятной любви.
Спой мне песнь о России
своим околдованным голосом.
В необъятные дали
меня за собой позови!

Мне России краса
Богом свыше, наверно, завещана.
В этом сказочном крае
её непременно найду.
Моя милая Осень,
моя ненаглядная женщина,
Пью я губы твои,
не таясь у судьбы на виду.

Чередую проходят осенние дни. С Се-
вера сползает по меридиану вдоль Ураль-

ских гор холод. На душе тихая и ясная пе-
чаль. А знаете, здорово, что есть на свете
осень, любимая женщина и Россия...

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Облака гнал по небу день холодный,
осенний.

А когда-то давно на Российской земле
Родился головастый мальчишка Есенин
В небольшом среднерусском селе.

А сегодня опять осень степь золотит,
Кто-то любит кого-то, кто куда-то спешит.
С неба сыплется дождь непрерывный
осенний.

И во всем этом есть наш «скандальный
пит»

Синеглазый, вихрастый Сережка Есенин.

И уже нам не село — вся планета нам мать,
И мы запросто можем говорить
о вселенной,

Ну, а если б мне землю пришлось
покидать
Я бы взял с собой томик Сергея Есенина.

Это было давно, дул ветрище осенний –
И в одном небольшом среднерусском селе,
Родился синеглазый мальчишка – Есенин.
Он по-прежнему с нами на этой земле.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Когда полмиром обладает тьма,
Мерцают звёзды в вышине далекой.
Молитва изливается сама,
Душа становится непостижимо легкой.

Смиренно, склонив голову, стою,
Тихонько дышит огонёк лампы.
Осознаю всю немощность мою,
Поддай мне, Отче, для души отраду.

Неслышно за окном летит снежок,
И укрывает землю, словно скатерть.
Еще один я сделаю шагок,
К спасенью, внемли мне, Божья Мать!

Стыдясь своей греховности, скорбя,
Прошу тебя усердно, Царь Небесный!
Поставь меня одесную себя,
Когда придешь судить весь мир
наш грешный.

Опять полмиром обладает тьма,
Неслышно дышит огонёк лампы.
Владычица Небесная сама,
Пусть ниспошлет духовную награду.

ПРАЗДНИК ПЕРВОГО СНЕГА

Вот и промелькнуло короткое уральское
лето, окончилась осень. И вот уже за окном
кружится первый робкий снежок. Первый
снег, как светлый праздник. Белое покрыва-
ло земли, словно стихарь священника. Пер-
вый снег, словно преображение мира. С
первой порошей чисто, светло становится
на душе, празднично. Издавна любили на
Руси зиму и имена ей давали ласковые: зи-
мушка, матушка-зима. С первого снега, да и
всю зиму отмечают Православной церк-
вью многие праздники – Покров, Казанская
Божья Мать, а там уж до Рождества неда-
леко. Здравствуй, гостья – зима.

Белая Русь, белый снег, белый цвет –
символ христианства. Вот укрылась земли-
ца белой шалью и отошли, отринули боль,
суета, стрессы – праздник в природе, празд-

ник в душе. Чувствуете, как легко дышится? Это пришло очищение души вместе с первым снегом.

— Папа, пора делать кормушки, — напоминают сын и дочь. Вместе священнодействуем мы над дощечками и вот — кормушка готова. Укрепление её для нас целое торжество. Как здорово тихонько наблюдать из окна, как слетаются к птичьей столовой птахи. Насыпь семечек — клест пожадует. Солидный, знающий себе цену. Клюнет, оглянется не спеша и снова клюнет. А накрошишь мелконарезанного сала — тут как тут синички. Какие они славные эти синезёлтые комочки. Прилетают целыми компаниями, бойко, по-деловому работают маленькими клювиками, а то, глядишь, и красногрудые снегири прилетят чем-либо полакомится. И лес, и городские улицы словно обновлены, да и лица людские светлее в такую пору становятся.

Не спешите, люди, оглянитесь вокруг, забудьте о мелочных каждодневных заботах, посмотрите благодать-то какая — снег идет! Каждая снежинка — произведение искусства, ни одна друг друга не повторяет.

Слышится где-то тихая музыка и далёкий-далёкий звон колоколов — поёт душа человеческая. Хвала Создателю! Милости просим к нам, Зима-матушка!

И кружится, кружится над нами первый снег...

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

(Кумертау — Мурманск — Полярный)

Этим летом мне довелось пересечь на поезде всю европейскую часть России. Путь мой лежал от Урала до Мурманска. Проплыли за окнами уральские горы, затем пейзажи подмосковья, Мордовии. Промелькнули величественные ели и озера Карелии, и вот уже перед глазами тундровая растительность и скалы Кольского полуострова, по которому течёт суровая и порожистая река Кола. По мере продвижения на север обычные сутки сменяются белыми ночами, а те, в свою очередь, переходят в нескончаемый полярный день....

А поезд всё мчится, на стыках грохочет,
С волнением я у окошка стою.
Несёт меня поезд сквозь белые ночи,
Он в юность меня возвращает мою.

А сердце, как прежде, покоя не хочет,
Всё вяжется нить из рифмованных слов.
Ах! Белые ночи! Ах! Белые ночи!
Дороги и запах походных костров.

Что ж, годы промчались. Не верится даже,
Вот выросли дети, вот внуки уже.
И вновь за окошком мелькают пейзажи,
Судьбы резкий крен на крутом вираже.

Пронесется мимо ели, и сосны,
Под северным небом все дали ясны.
Нам жизнь задаёт непростые вопросы,
И снятся ночами тревожные сны.

Судьба, как вагоны на стыках, грохочет,
Душа ещё просит и встреч, и дорог.
Ах! Белые ночи! Ах! Белые ночи!
И всё ещё сбудется. Дай только Бог!

В Мурманске я был удивлён тем, что на
улице цвела сирень. Для заполярья здесь
очень много зелени. На мои удивленные

возгласы мой сын, офицер – североморец, с
грустью сказал: «Вот такие восторженные
личности из Министерства обороны или
штаба ВМФ придут раз в десять лет, уви-
дят сирень и ходатайствуют об отмене по-
ложенных полярникам льгот». Вот уж поистине
видны многогранность жизни и много-
образие взглядов на неё! И город Мурманск,
и вся область с её природой, инфраструкту-
рой и людскими судьбами именуется здесь
одним словом – Мурман.

Опять, в судьбу свою поверив,
Беру дорожный чемодан.
Ну, здравствуй, здравствуй,
Крайний Север, и край
неведомый – Мурман.

Пейзаж поистине неброский,
Над скалами полярный день.
Суровый полуостров Кольский,
И в Мурманске цветёт сирень.

Над бухтой стелятся туманы,
Стоят у пирса корабли.
Есть город с именем Полярный
От южных прелестей вдали.

Над водами залива скалы,
Размытый горизонт вдали.
То ли конец, то ли начало
Российской, нашенской земли.

Именно в город Полярный и лежал мой дальнейший путь. Автомобильная дорога проходит в горах, поросших кустарниками и мхом. Особая, суровая северная красота не может оставить равнодушным. Через два часа пути останавливаемся у КПП. Молодцеватый прапорщик морской пехоты проверяет документы и, взяв под козырек, желает нам счастливого пути.

Вот и город Полярный. Он со всех сторон окружен замшелыми скалами, на которых в июле собирают чернику, морошку и грибы подосиновики. Местные жители именуют их красноголовиками, поскольку до ближайшей осины верст около 600, а то и более.

Практически с любой улицы видна Екатерининская гавань, на берегах которой и был основан город в 1899 году. Благодаря течению Гольфстрим гавань эта зимой не замерзает, что послужило главным аргумен-

том для создания здесь северного форпоста. Суровые испытания выпали Полярному в годы Великой Отечественной войны. В городе много памятников погибшим морякам и другим защитникам Заполярья. Особенно впечатляет памятник «Морская душа».

В городе прекрасный краеведческий музей, где имеются интересные материалы об истории города и Кольской военной флотилии. На территории краеведческого музея выставлены образцы военной техники. Здесь любят играть местные мальчишки. Рядом памятник поэту-североморцу, погибшему в 1943 году. Именно ему принадлежат строки песни о московском извозчике, которую проникновенно пел Булат Окуджава.

Сегодня в городе Полярном несут свою нелегкую службу моряки-североморцы, среди которых есть наши земляки: два брата, капитан-лейтенант и старший лейтенант Таратиторовы и мой сын — капитан третьего ранга Свириденко.

Запомнился мне праздник на День Военно-Морского Флота, который я встретил на палубе боевого корабля. В торжествен-

ной обстановке проходит подъем флага. Командующий флотилией обходит на катере выстроившиеся для парада военные корабли. Здоровается с личным составом и многоголосое эхо откликается в скалах: «Здравия желаем, товарищ адмирал!» Затем личный состав кораблей демонстрирует свое боевое мастерство. Как красив, как стремителен контур военного корабля, рассекающего форштевнем морскую зыбь! Ракетные и артиллерийские залпы, пуск торпед, уничтожении мин — все это показали военные моряки. Традиционные гонки на шестивесельных ялах и приветствие самого последнего пришедшего к финишу яла известной мелодией «Чижик пыжик». А вот и кульминационный момент праздника — высадка морского десанта. Какое-то особое чувство переполняет, когда после интенсивной стрельбы и жаркой рукопашной схватки над кромкой берега взмывает Андреевский флаг. Морская пехота расширяет захваченный плацдарм и углубляется на территорию условного противника. Кстати сказать там, на Крайнем Севере, знают о нашем городе, потому что большинство

противолодочных вертолетов были сделаны в свое время на нашем заводе. Интересно было познакомиться с командиром одного из дивизионов, у которого супруга родом из Стерлитамака. Поистине мир тесен. Завершился праздник обедом в теплой обстановке в уютной кают-компании, где, конечно же, не обошлось без стихов и песен.

Возможно, из читателей кто-то скажет: «А не слишком ли все красиво? Неужели у Северного Флота нет проблем?». Что же, ответу, проблемы есть, и их много. Об этом подробно рассказал на торжественном собрании в Доме офицеров командующий Кольской Краснознаменной флотилией. Суровый климат Заполярья, бытовые сложности. Многие корабли нуждаются в ремонте, необходимо обновлять технику и так далее. Но эти вопросы, хоть и медленно, но решаются. Хотелось бы побыстрее, но опять многое упирается в финансы. Те офицеры, с которыми мне приходилось общаться, знают об этих проблемах не понаслышке. Но они отнюдь не нытики и пессимисты. Наоборот, они полны оптимизма и работают над решением тех сложностей, которые ха-

рактерны сегодня и для Северного Флота, и для России в целом. Что особенного запомнилось мне в процессе общения — это то, что сегодняшние военные моряки продолжают славные традиции российского офицерства. Они подтянуты, деловиты. С одинаковым профессионализмом танцуют вальс и решают служебные задачи. С ними интересно беседовать не только о море и кораблях, но и о новинках театра, литературы и музыки.

Вот она, преемственность поколений в действии. И ещё раз убеждаешься: Северному Флоту быть! А значит, быть и России. И снова дорога, проверка документов на КПШ. Полярный остался позади. Город с кораблями, гористыми улицами с храмом Николая Угодника, который покровительствует военным морякам, далекий северный оплот земли российской.

Крики чайк тоскливо печальны,
Лижет скалы залива волна.
Вот и всё. До свиданья, Полярный;
Мне ночами опять не до сна:

И куда бы судьба ни бросала,
Лишь прикрою глаза — все ясней —
Вижу я у далеких причалов
Силуэт боевых кораблей.

Там река величавая Кола,
Там России надежный оплот.
И у храма святого Николы
Иван-чай безмятежно цветёт.

Мы не ищем путей, что попроще,
Твердо зная совсем ни пустяк, —
Над полярным форпостом полощет
Ветер гордый Андреевский стяг.

Содержание

Увлеченность. Об авторе.	5
I. Мое созвездие: Россия	7
Ты мой родник питающий исток	8
Великий пост	9
Высокое звание	10
Зимние узоры	11
Оставь печали и сомненья	12
Идут дожди из моего окна	13
Наторморт	14
И почему-то сразу вспомнишь детство	15
Просто снегопад	16
Вам себя доверила страна	16
Предзимье	17
Тихо падает снег	18
Ты знаешь, я к тебе ещё приду	19
Скрипач России	20
Русь ковыльная	21
Еще не все пропеты песни	22
В гости к Александру Грину	23
Послание потомкам	24
Уже в другие города умчались дети	26
Уж такова судьба моя	27
Ставит девушка свечи	28
Вечер в стиле блюз	29
Январь заглянул в окно	30
Дочурке в день окончания школы	30
Молитва	31
Август	32
Мелодии прошедших лет	33
И снова будут ветры и дожди	34
Малиновый перезвон	35
II. Вы разве не любили?	37
И снова апрель	38

Письмо любимой	38
Воспоминание	39
Нелетная погода	40
Вы разве вы любили?	41
Опять о ней	42
Лунный nocturn	43
Тепло ладоней твоих	44
Давай зажжем свечу	45
Старая квартира	46
Я помню березовый лес молодой	47
Я старый год прошу остаться	48
В Ахматовском саду	48
Опять становится прохладно	49
III. Люди, годы, судьбы	51
Сказка о кораблике с зелеными парусами	52
Зачем мы читаем афиши?	60
Исповедь пассажира	68
Сказочная история	75
За чудесами	79
Рассказ о старых письмах	83
«Но не потеряна Россия, пока звонят колокола»	87
Отчий дом	93
Солдатское письмо	95
Осенний дневник	96
Посвящение Сергею Есенину	99
Ночная молитва	100
Праздник первого снега	101
Под северным небом путевые заметки	103
Содержание	112

Литературно-художественное издание

**Свириденко
Андрей Арьевич**

Редактор, корректор Свириденко А. А.
Дизайн обложки, верстка Насырова З. Х.

Сдано в набор 16.05.2005 г . З. № 846.
Подписано в печать Тираж 300.
Формат 84x108¹/₃₂ Усл. п. л. 1,79.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.

Лицензия на издательскую деятельность
Б 848356 выдано от 21.06.2000 г.

Отпечатано в ГУП РБ «КГТ», г. Кумертау, ул. Гафури, 26.

